

Эйрик Годвирдсон

ПРИКЛЮЧЕНИЯ
НА РАНЧО РЭД-КРИК

Эйрик Годвирдсон

Приключения на ранчо Рэд-Крик

«Издательские решения»

Годвирдсон Э.

Приключения на ранчо Рэд-Крик / Э. Годвирдсон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-608290-8

Джейку 12, и его ждет самое скучное лето в его жизни. Но когда он знакомится с пареньком по имени Дэф — его «худшее лето» превращается в самое необычайное приключение. Ведь вокруг творится что-то неладное и загадочное: из силков на поле пропадают кролики, из отцовских бумаг — ценные документы, чудовища из индейских сказок могут оказаться настоящими, а давний знакомый — предателем. И все это сплетено в тесный клубок — поди распутай! Решать эту задачу и предстоит ребятам — и их верному псу Корки.

ISBN 978-5-00-608290-8

© Годвирдсон Э.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
1	8
2	23
3	30
4	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Приключения на ранчо Рэд-Крик

Эйрик Годвирдсон

Иллюстратор Эйрик Годвирдсон

Дизайнер обложки Эйрик Годвирдсон

© Эйрик Годвирдсон, 2023

© Эйрик Годвирдсон, иллюстрации, 2023

© Эйрик Годвирдсон, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0060-8290-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Автору хочется первым делом сказать пару слов об этой книге и о том, что послужило отправной точкой ее создания.

Обычно такие обращения начинаются с благодарностей – но в этот раз адресных благодарностей не будет. Я, безусловно, благодарен самым близким людям и своей семье, родной и названной, потому что эта книга чуть более, чем полностью вдохновлена самыми светлыми воспоминаниями автора о собственных каникулах, приключениях и летнем времени – лучшем времени в жизни любого юного человека. Впрочем, не только ими. Потому что самое главное, что я хочу сказать – эта книга вдохновлена и миром вокруг, и самыми лучшими книгами, что мне довелось читать в то время, когда писателем я не только не был, но еще и не помышлял, что когда-то им стану. А также тем, что мы видим каждый день вокруг, и тем, что создаем в своей голове силой воображения на основе увиденного. И тем, что хотели бы еще повидать – в поездках и путешествиях. Любовью к этому миру – всему, целиком и полностью, такому, как он есть. И такому, каким он мог бы быть, будь в этом мире на самую каплю больше чего-то... неизведанного? Непостижимого? Наверное, так.

Что же, неизведанного и непостижимого хватает и в обычной жизни, если уж на то пошло. Я неоднократно убеждался в этом на своем опыте – и хочу рассказать об этом на этих страницах в том числе.

Итак, еще раз – я благодарю всех тех прекрасных людей, что писали книги, сделавшие незабываемой мою юность.

И всех тех чудесных людей, что я называю своей семьей – и родных по крови, и родных по духу равно.

И, конечно, все те леса, реки, холмы и степи, что я увидел за свою жизнь.

И вас, мои читатели – потому что книга по-настоящему оживает только при вашем участии.

Что же, пусть наше приключение начнется – в тех загадочных местах, в интересное и весьма непростое время. На ранчо близ реки Рэд-Крик, в те годы, когда Новый Свет был еще «страной очарования» и новых горизонтов.

1

Территория Нью-Мексико, округ Сокорро, Рэд-Крик, 1874 год.

Светловолосый мальчишка в синей в клетку рубашке болтался по заднему двору большой усадьбы, а в доме в это время взрослые чуть ли не до хрипоты спорили, виновен ли какой-то Дэн в подлоге или нет. Упоминали через раз Генри Маккарти, досадуя, что тот залег на дно, и узнать, замешан ли он в каком-то «скользком дельце», как говорили, было никак невозможно. Шумели, в общем.

Мальчика звали Джейк, и он откровенно скучал. Отец вроде бы взял его с собой «привыкать к взрослым делам» – мол, ты уже взрослый парень, знакомься с нужными людьми, скоро это станет основным делом твоей жизни, но больше ничего не пояснял.

Знакомься... Джейк и так хорошо знал отца друга, звал его «дядя Питер» и здесь – на этом ранчо – уже бывал как-то. Непонятно, если честно, что именно джейков папа имел в виду: Джордж Фей вообще не склонен был объяснять вслух большую часть своих задумок. Они с дядей Питером занялись какими-то своими разговорами – может, отец и хотел, чтоб Джейк пытался понять, о чем толкуют старшие, но мальчик быстро заскучал, и когда он тихонько улизнул из гостиной и пошел бродить по двору, никто его не окликнул... да и заметили-то вряд ли, если честно.

Папа спорил с Майком Кирби по прозвищу Одноглазый, горячился, размахивал руками... Джейк не понимал и половины из того, что вынудило возмущаться Кирби и хмуриться Питера О'Нила, и не горел желанием вникать, кто такие этот Дэн и Генри, и при чем тут какие-то бумаги. То ли дело пойти поглазеть на лошадей! Если уболтать работников, то, глядишь, возьмут с собой покататься по полям, пострелять голубей: как раз кукуруза наливется, и от пернатых никакого покоя нет.

Или повезет найти нормальную компанию, раз уж Тедди остался в городе... правда, на компанию двенадцатилетний Джейкоб Фей не особенно рассчитывал: середина дня, все заняты, вряд ли кто станет тратить время на городского мальчишку... Вон, кухарка высунулась из окна, громко требуя принести еще воды, кто-то вяло ругнулся в ответ, но загремели ведра, и видимо, воду скоро доставят. Люди шутят, переругиваются, ржут лошади, стучит где-то молоток... работы полно. До Джейка никому особенно нет дела и тут, что же. Так что – какая уж компания?

Впрочем, он погорячился.

На заднем дворе, кроме снующих туда-сюда ковбоев и прислуги, нашелся кое-кто, вполне на эту компанию тянущий. На крыльчке в тени сидел темноволосый парень примерно его лет – ну, или самую капельку постарше, уж больно рослый. Одет обыкновенно – джинсовые штаны, подвернутые до колен, клетчатая рубашка; примерно как и сам Джейк, только, в отличие от джейковых, вещи на сидящем были все потрепанные, явно для работы только и используемые. А что, обычное дело; чем-то иным этот незнакомец тоже не был слишком примечателен, если уж честно. Зато у ног его дремал большой темно-серый пес, узкомордый, как волк, и с могучим заливком. А сам паренек был занят какой-то тросточкой – сидел, вырезал на ней ножом мелкие узоры. Рядом валялся полупустой колчан с охотничьими стрелами: видимо, до того, как заняться резьбой, мальчишка проверял наконечники, а может, и прилаживал новые на пустые древки. То есть – все-таки не бездельничал. Ага.

– Привет, – Джейк подошел ближе.

– Привет, – ответил паренек. Бросил короткий взгляд, чуть прищурился... язвить, как ожидал Джейк, не стал.

– Твоя собака? – Джейк качнул головой.

– А то чья же, – с легким самодовольством протянул мальчишка, поднимая голову. – Я зову его Корки. Но, впрочем, отзывается он куда охотнее на предложение чего-то вкусного, чем на имя!

Джейк не сдержал смешка, фыркнул, присел на корточки:

– Он не будет против, если я его поглажу?

– Ну погладь, – пожал плечами мальчишка. Сдул лезущую в глаза прядь и сказал поднявшему уши торчком псу: – Свои, Корки. Свои.

Пес, за время разговора мальчиков успевший приоткрыть один глаз и лениво наблюдавший за Джейком, теперь сдержанно махнул хвостом, как бы подтверждая: нет, он не против, чтоб его гладили.

Джейк поднес к носу собаки руку, дал ее обнюхать. Потом почесал лоб и загривок пса, удивляясь густоте жесткой шерсти:

– И не жарко ему!

– Жарко, – ухмыльнулся хозяин пса. – Вот в тени и прячется!

– Я Джейк, – представился Джейкоб, намекая – он бы не против продолжить беседу.

Парень оторвался от своего занятия, пристально посмотрел на Джейка. Джейк в ответ чуть прищурился – пошлют его к черту или нет? Вообще этот парень изрядно похож на задиру, конечно: взгляд нахальный, улыбка не лучше. Но, как ни странно, в ответ тот вполне дружелюбно кивнул:

– Дэф. А эту морду шерстяную ты уже слышал, как зовут... Корки, подвинь задницу! – с этими словами новый знакомец ухмыльнулся от уха до уха и сам подвинулся на крыльце, освобождая место в тени. Джейк охотно плюхнулся рядом: на солнце и правда пекло нещадно.

– Я тебя раньше не видел, – брякнул Джейк прежде, чем подумал, что выходит как-то не очень умно с его стороны.

– Да? – рассеяно отозвался Дэф, рассматривая уже готовые узоры на своей работе. И добавил: – Я тебя тоже.

– Э... я с отцом приехал. В гости. Вроде как.

– Мхмм... угу.

– Ты какой-то странный, – Джейк имел в виду внезапную неразговорчивость – на молчуна-буку этот парень не походил, но разговор не клеился отчего-то совсем, и... Джейк понял, что это глупо, но все равно сделалось отчего-то обидно.

– А, ты про это, что ли? – оторвавшись, наконец, от разглядывания тросточки, мальчишка провел ладонью по правой щеке. Усмехнулся, испытующе глядя на Джейка. И добавил что-то, совсем тому непонятное: – Я навахо на четверть, вообще-то. Это, конечно, просто баловство, но... извини. Я не думал, что на меня тут кто-то наткнется не из своих.

– А, – Джейк расслабился, выдохнув, и только сейчас заметил, что на ладони у его нового приятеля осталась красно-белая полоса. А значит, говорил он о рисунке на лице, который сейчас попросту стер. А Джейк, балда, даже не обратил внимания!

– Так ты, говоришь, из города? – уточнил Дэф.

– Ага, – Джейк кивнул. И пожаловался: – Скучно! Отец непонятно зачем меня с собой потащил, я вот...

– Поехали, ловушки проверим, а? – Дэф поднялся на ноги, оттирая руки клочком ветоши: просто обтереть испачканную краской ладонь об колено он не захотел. С его колен посыпались ворохом мелкие стружки, часть из них запорошила морду Корки, тот смешно чихнул, поднялся тоже, встряхнулся. Дэф поднял колчан, закинул его на плечо.

– Ловушки? – не понял Джейк.

– Ловушки. На кроликов! Я там за холмом ставил... – махнул рукой Дэф. – Или голубей по полю погоняем, а? Ты из лука стрелять умеешь?

Джейк просиял, охотно закивал и припустил следом за новым приятелем: его не нужно было уговаривать.

Догнав товарища, он зашагал рядом, и Корки трусил между ними, влюбленно поглядывая на хозяина. Наверное, ожидал внепланового угощения, а может, тоже радовался, что намечается что-то интересное.

Мальчики зашли на конюшню. Здесь спасительная тень лежала гуще, но воздух все равно был разогрет, пахло пылью, соломой, кожей. И лошадьми, конечно же. В солнечных лучах, наискось рассекающих сумрачную тень внутри, плясали пылинки, лошади приветственно всхрапывали в своих денниках, пробуя носом незнакомый запах чужого человека. Джейк покрутил головой:

– Эх, и почему я не верхом приехал! – он был изрядно обижен на отца, что он все-таки уступил требованиям матери и взял повозку. «Вы и так выглядите с вашими друзьями как... как разбойники! Можешь ты хотя бы ребенка не тащить в эту ерунду?» – говорила она. Отец кривился, но в этот раз смолчал. И поехали они с папой как горожане, правильные, воспитанные горожане... Хорошо хоть насчет одежды отец успел маму одернуть, и Джейк выбил право не рядиться в отглаженные брюки и хрустящую от крахмала сорочку, ограничившись просто чистыми штанами и рубашкой – опрятными, но не нарядными. Эх его бы сейчас этот самый Дэф поднял на смех! И был бы прав, кстати, мрачно подумал Джейк. Он продолжал настроженно посматривать на неожиданного приятеля – тот выглядел не просто задирой, но и насмешником, каких поискать. Как бы не вздумал разыграть! Сейчас поди еще спросит, умеет ли Джейк вообще в седле сидеть! Опережая дразнилку вроде «ай-яй, городской мальчик, что скажет твоя мамочка?», которой больше всего и боялся, сумрачно заявил:

– Я хотел ехать верхом. Только отец взял повозку зачем-то.

– Это ничего, – подмигнул Дэф. – Сейчас найдем лошадь и тебе, и мне... Не переживай, никто не станет возражать, все лошади, которые были кому-то нужны, уже под седлом, на поле или выпасе, а этим бездельницам только полезно будет промяться!

– Ну и отлично, – Джейк перестал хмуриться. – Ты, надеюсь, не думаешь, что я тюфяк какой?

– Да вроде бы не похож, – рассмеялся Дэф. – Только вот обувь у тебя... покажи!

Сам он уселся и принялся раскатывать подвернутые брюки. Вытащил из-под вороха соломы сапоги – пусть и забрызганные рыжей грязью (к слову, давно высохшей), но с виду вообще почти новые. Отряхнул исцарапанные босые ступни от пыли, обулся и поинтересовался снова:

– Ну?

Джейк не понял, о чем речь, и приятель попросту дотянулся и сам дернул его штанину вверх, критично оглядев высокие плотно зашнурованные ботинки Джейка:

– А, гляди-ка! Нормальные, подойдут.

– А? – Джейк чуть растерялся.

– Там змеи, – пояснил Дэф. – Так-то хоть босиком бы можно, больно уж жарко... Змеи, правда, только на подступах к тем холмам, но все равно. Ну их.

– Ну их, ага, – согласился Джейк. И на всякий случай перешнуровал ботинки, заправив штанины. И правда – ну их, этих змей.

Потом парни выбирали и седлали лошадей – Джейку досталась крапчатая рыжеватая кобылка, а его приятель, явно рисуясь перед городским мальчишкой, взял черную. Еще и уздечку взял плетеную, с узорчатыми вставками. У седла же болталось длинное белое перо, уже изрядно обтрепанное – и Джейк заключил: наверное, Дэф часто ездит верхом, в отличие от самого Джейка.

– Зря краску стер, так и правда на индейца похож был бы, – фыркнул Джейк.

У Дэфа были длинные волосы, черные, как грива у той лошади, и он завязывал их в хвост на затылке, по-индейски, так что шутка вышла вполне удачная.

Дэф только закатил глаза – мол, придумай что поостроумнее.

– Мешок возьми, – велел он, пристраивая у седла колчан и лук. – Вон там, под лавкой. И поехали уже!

Джейк ухватил указанный мешок (тот оказался неожиданно увесист) и резво взобрался в седло – глупо было отказаться от такого предложения, особенно, когда до этого со скуки не знал, куда себя деть!

Скучать оставшуюся часть дня Джейку больше не пришлось.

Солнце пекло нещадно – и это еще не полдень ведь! Соломенная шляпа с обтрепанным краем хоть и выглядела слегка по-дурацки, а от горячих лучей, бьющих в самую макушку, спасала неплохо. Впрочем, переживать насчет вида шляпы Джейку точно не стоило – Дэф нацепил точно такую же, ничуть не смутившись ее простецкостью. Эти шляпы они нашли там же, на конюшне – джейкова была чуточку больше, чем надо, и он попросту сдвинул ее назад, чтоб не напознала на глаза. Вот, так-то гораздо лучше!

Под ладонями – лука седла, поводья и жесткая грива лошади, коленями мальчик чувствовал теплые конские бока, ветер раздувал торчащие из-под соломенных полей пряди; дорога – точнее, полустершаяся тропинка, на которую почти сразу они и свернули – ныряла меж трав, петляла, уводя в холмы. Поля и пастбища оставались слева, в стороне, как и постройки, дом, вся усадьба. Слева и позади. Впереди были холмы, прерия, целые озера диких злаков выше человеческого роста, неожиданно возникающие среди низкой бизоновой травы и сизовато-голубой грамы¹, ветер – и так легко было представить, что конца этой дороге нет вовсе! А есть только бесконечные холмы и эта самая прерия. И далекие бледно-голубые горы, точно нарисованные прозрачной легкой краской на самом краешке неба.

– Там ручей – слабенький совсем, но, если нужно набрать воды, сгодится. Туда, если подальше проехать – можно сразу к реке, той, на которой город, она тут петлю делает. Вон он за теми холмами живут суслики – пугливые, страсть! Там вон еще есть небольшое поле – кукуруза, тыквы, ну и другое всякое. Видишь пугало? По-моему, оно плоховато делает свою работу!

Джейк, крутивший головой, как филин, под болтовню товарища, услышал про пугало и захохотал, вспугнув какую-то пичужку из низкорослых кустов близ тропы. Корки, трусивший рядом, гавкнул птице вслед, но гнаться поленился. Потом, впрочем, потянул носом и нырнул в траву справа от дороги. Его спина мелькнула среди метелок раз, другой, а потом Джейк вовсе потерял пса из виду. Дэф, правда, ничуть не переживал по этому поводу:

– Он обычно далеко не удирает никогда. Корки! – Дэф свистнул, и пес тут же вынырнул из травяных зарослей совсем рядом. Поднял торчком уши, послушал – и, убедившись, что от него больше ничего не требуют, снова исчез, опустив нос к земле.

– А лошадям змеи не страшны разве? – любопытствовал Джейк, вспомнив о словах товарища.

– Ну, в общем, не слишком. Лошадь громко топает, змея предпочтет спрятаться. Да и на дорогу – даже такую – они не любят вылезать. Вот именно поэтому тут мы и едем по тропе, а не как Корки – напрямки. Вот кто точно никаких змей не боится!

Джейк пошутил про почти волчью шубу пса, понимая, впрочем, что шутка может вполне оказаться шуткой лишь отчасти. Посмеявшись, мальчики поехали дальше, изредка обмениваясь шутками и замечаниями обо всем подряд.

¹ Грама – особая трава с сизо-голубоватой листвой, один из основных видов травы низкотравных американских прерий.

Так, за болтовней, они доехали до ложбины, где все еще каким-то чудом гнездилась тень. Впрочем, чудо было вполне объяснимо: над краем оврага нависали кусты и кривоватые деревца, а изгиб самих холмов повторял ход солнца, так что сюда если жаркие лучи и доберутся, то только сильно позже полудня. Джейк это заметил, и даже задал вопрос – мол, поэтому кроликов ты ловишь тут?

– Ага. Тут много свежей травы, да и прячутся они под тем обрывом от орлов часто, – остановив лошадь, Дэф ловко спрыгнул на землю, махнул приятелю, мол, чего ждешь, приехали. Джейк тоже спешился – далеко не с таким изяществом, конечно, о чем втайне завистливо вздохнул. «Хотя, если ездить каждый день... где уж тут не выучиться!»

– Кажется, кто-то обчистил твои ловушки раньше тебя, – покачал головой Джейк.

Поглядывая под ноги (змеи! Испытывать прочность своих ботинок и достаточность высоты шнуровки не хотелось), Джейк двинулся следом за приятелем – тот неторопливо шагал впереди. Правда, почти сразу остановился и тихонько присвистнул – вышло необычно, длинной переливчатой трелью, и Джейка тотчас же снова захлестнула горячая мальчишеская зависть. Самое время прицепиться – научи так свистеть! Он уже было раскрыл рот, чтобы это

и сказать, но захлопнул его сразу же. Почему? Да потому, что увидел, как Дэф озадаченно оглядывается, и, сбив шляпу на затылок, с досадой трет лоб. Корки крутился рядом, тыкался носом в траву, в колени хозяина, шнырял вокруг, то и дело поднимая уши и хвост торчком.

– Да что за... – Дэф присел на корточки, поворошил траву. И с разочарованным вздохом вытянул длинную спутанную ловушку. То, что когда-то было силками на мелкую дичь, теперь представляло собой невнятную мочалку из проволоки, травы, обрывков бечевки. Корки, подбежав ближе, гавкнул в растерянности.

– Кажется, кто-то обчистил твои ловушки раньше тебя, – покачал головой Джейк.

– Похоже на то, – разочарованно вздохнул Дэф. Хлопнул себя ладонями по коленям, поднялся на ноги. – Неужто снова браконьеры? Сколько же можно!

И добавил пару недобрых по звучанию, но совершенно незнакомых Джейку слов, даже не английских – индейские, что ли?

– Браконьеры? – Джейк пошел следом за Дэфом, который все-таки продолжил внимательно рассматривать и примятую траву, и места с бывшими ловушками, совершенно непонятно что ища. Корки принялся помогать, но, с точки зрения Джейка, только лез носом под руки, и все тут.

– Браконьеры, – негромко подтвердил Дэф. – В прошлом году, знаешь, оленей у нас здесь стреляли...

– И?

– Старшие их поймали, а потом никто не трогал больше. Ни оленей, ни лисиц. Ни даже кроликов. Вот до нынешнего дня.

Джейк не стал уточнять у приятеля, куда могли подеваться браконьеры после поимки их работниками дяди Питера – да и попросту отвлекся на то, что вдруг снова заинтересовало его спутника.

Дэф зачем-то потрогал ствол дерева, снова поворошил траву, отодвинув мохнатую песью морду, потом нашел конец еще одной проволоки. Потянув за нее, выволок запутавшегося в сработавшей ловушке кролика. И следом – еще одного вытащил уже пес.

– Или нет? – спросил Дэф словно в пространство, забирая зверька у собаки.

– Что – нет?

– Не браконьеры, говорю. Кролики-то вот они.

Джейк пожал плечами, присел рядом. Подумал немного и спросил:

– А сколько было ловушек?

– Пять.

– А кролика два.

– Хм-м. Осталось понять, что это могло бы значить!

– Мог браконьер не заметить еще двух? – принялся рассуждать Джейк.

– Ну-уу... нет, наверное.

Корки гавкнул, полувопросительно, полу-любопытно, и поскреб лапой склон овражка.

– Думаю, что нет, – Дэф мазнул взглядом по заинтересовавшему пса месту, но ничего там не разглядел и потому снова еще раз обошел по кругу место неудачной охоты, вздохнул.

– Ну, что уж теперь, – развел он руками. – Два кролика – это только похлебку сварить, несерьезно.

– Или Корки на один зубок, – хмыкнул Джейк, выдергивая зверьков прямо из-под песьего носа. – Уже примерился!

Дэф погрозил псу. Тот умильно прижал уши.

– Потом получишь свою порцию, не сейчас! Ты дома целую миску каши умял, обормот! Корки гавкнул снова, как бы намекая – он не прочь и еще чем поживиться.

Джейк засмеялся – пес ему нравился все больше и больше. И, в общем-то, хозяин этой серой зверюги – тоже.

– Ладно, раз уж с кроликами такая беда – поехали голубей стрелять. Или на речку сначала? – Дэф прицепил кроликов к седлу, скомкал остатки ловушки, и повернулся к Джейкобу.

– На речку! И голубей! – Джейк энергично кивнул. Подумал, что вышло непонятно, и уточнил: – Сначала на речку. А то жарко.

– Ага. Догоняй! – и, взлетев в седло, приятель коварно подхлестнул лошадь.

Та взяла с места быстро и резко.

– Эй! Э-эй, подожди!!

– Догоня-аа-ай! – и заулюлюкал, негодяй такой.

Джейк ухмыльнулся и поспешил следом. Крапчатая лошадка оказалась ничуть не менее быстрой, знай держись только! И шляпу не упусти, сбросит ветром, погонит прочь, знай потом аукай ее по всей прерии.

Шляпу Джейк успел поймать в последний момент.

– Ага. Догоняй! – и, взлетев в седло, приятель коварно подхлестнул лошадь.

Как все лучшее, что у нас есть, этот день пролетел до обидного быстро. Джейк, конечно, такими словами это не называл, но все равно, когда рыжий, как кожа тыквы, вечер вытянул синеватые тени, сделав их смешно-длинноногими у всего живого, и мальчикам пришлось развернуть лошадей обратно к асьенде дяди Питера, вздохнул с легкой досадой. Это был лучший день за все лето, думал Джейк. Подумал было еще – только-только начавшееся лето, но потом

вздыхнул снова: как бы не так, лето-то уже перевалило за середину, и... и все равно – этот день лучший. И следом Джейк уверенно добавил: даже лучше того, когда они с Тедом и Тилли поймали огромную щуку!

Про щуку он рассказал новому приятелю, кстати, сразу, как они добрались до речки. «Рэд-Крик, река, чье имя носит ваш город», как сказал Дэф, и Джейк удивленно уточнил – то есть, «ваш»? Ну наш, неохотно поправил Дэф, сумрачно ухмыльнулся и заявил – рыбачить сегодня уже поздно, рыба попряталась в глубину или в тени под берегом, сидит там, хитрая и осторожная.

Корки попытался стянуть кроликов, и мальчишки, переглянувшись, согласились, что так добычу до дома они точно не доведут.

– Сварим в похлебке, все равно есть уже охота, – пожал плечами Дэф. – Тащи мешок, там котелок есть.

В мешке, впрочем, был не только котелок и спички, но и соль, и пара картофелин, и – что особенно порадовало, половинка сырного пирога.

– Стажил на кухне, когда Марта зазевалась, – подмигнул Дэф.

– А тебе не попадет? – Джейк вспомнил суровую кухарку, что вопила из окна насчет воды, и пришел к выводу, что это она и есть Марта.

– Ну, меня же не поймали! Так что неизвестно еще, кто это спер! – Дэф разломил пирог, сунул в руки Джейку его порцию. Кусок достался и Корки, к большому восторгу того.

– Мне вот дома не разрешают таскать еду на улицу, – пробурчал с набитым ртом Джейк.

– И тебя это останавливает? – Дэф комично вздернул бровь и прищурился.

– Вот еще! – возмутился Джейкоб, еще решительнее вгрызаясь в начинку своего куска пирога.

Потом ребята все-таки сварили крольчатину: вместе с шалфеем и диким луком, которые нашли на склоне над берегом, ну и картошкой из мешка, конечно же. Джейк не умел толком разделять дичь, и поэтому занимался костром и котелком, помешивая варево, чтоб то не убежало через край. Крышки у котелка не было – видимо, потерялась в таких вот вылазках. Подвешенный на суковатой палке над костром, котелок коварно плевался брызгами, если зазевашься: в таком деле, как варка чего-то на огне, требовалась изрядная сноровка. Но похлебка все равно удалась – верно говорят, что лучший повар это голод! Что ни сварить, все будет казаться вкуснее самых хитрых угощений на званом ужине! Так и вышло – и похлебку ребята умяли едва ли не быстрее, чем Корки – свою часть крольчатины.

Солнце забиралось все выше, а мальчишки купались до посинения, гоняли Корки по мелководью, поднимая тучи брызг, смеялись до боли в боках над любой ерундой и бессовестно валялись в тени, ничуть не заботясь о том, что их могли хватиться. Джейк и думать об этом забыл, а Дэф, казалось, нарочно отлынивал от возможной работы. Интересно, почему? И не влетит ли ему за такое? Сам Дэф ни о чем похожем даже вскользь не упомянул, но мало ли! Мало ли о чем он там не упомянул, в самом деле.

Что новый приятель явно что-то недоговаривает, Джейк спохватился, наверное, только тогда, когда слушал длинный и местами завиральный, как ему казалось, рассказ Дэфа про охоту на диких индюшек. Если он не врал – тут у Джейка были большие сомнения – на этой охоте он едва не насмерть подрался с охотником-пуэбло.

– Потому что он зашел на земли нашей семьи, нашего становища! А, каково? Это была моя индюшка, и не стоило этому бродяге на нее зариться. Я сбил его с ног – прыгнул с дерева, пока он считал настрелянных птиц, и отобрал у него нож. И тогда-а-а вот...

– Врешь ты все, – отмахнулся Джейк. Он сидел под деревом, грыз длинную травинку, обдирая с зеленой ветки листву, кидал листья Корки, и тот ловил их пастью, выплевывал и ловил новые.

– Чего это я вру? – возмутился Дэф.

– Да кто ради птицы убил бы?

– Э, ты не знаешь охотников прерий, – протянул он. – Если бы мы поменялись местами с тем парнем – он был постарше, чем я – то вряд ли бы тебе было сегодня с кем торчать на речке.

– А ты?

– А я его отпустил. Оставил на память два пореза на правом плече, да забрал добытых индеек... и нож. Нож-то вот он! – и Дэф ловко крутанул в ладони короткий нож, тот самый, которым сегодня чинил стрелы и вырезал узоры на самодельной трости. Крутанул и спрятал – так быстро, что и не разберешь, когда успел. – И в чем же я тогда вру?

Джейк присмотрелся к новому своему приятелю. Присмотрелся так внимательно, словно на самом деле искал предательские признаки обмана в глазах и выражении лица... Он их не нашел, зато разглядел кое-что совсем другое, что прежде ускользало от внимания.

– Да в том, что ты не навахо, – брякнул Джейк.

– Это еще почему? – совершенно искренне удивился Дэф.

– У тебя глаза другого цвета! – торжествуя заявил Джейк. И правда – у потомков индейцев обычно глаза карие, как ореховая скорлупа, или вовсе черные, такие, что и зрачка не разглядишь; а у его приятеля радужки были серые, светлые, прозрачные, как вода. И вдобавок отблескивали, как серебряные монетки с золотыми ободками. Джейк продолжил, вдохновенный своей догадкой:

– И если бы только глаза, ага? На четверть, да? А не наполовину? И навахо ли?

– Ну и к чему это ты?

– По-моему, ты этот... полукровка. Утэвво.

Дэф подскочил, как ужаленный. Сверкнул глазами, точно дикий кот, и Джейк счел за благо тоже подняться на ноги.

– И что, если и так? – зло прошипел товарищ.

– Да, в общем-то... ничего, – Джейк растерянно улыбнулся, понимая, что сейчас схлопочет тумака, и даже небезосновательно. – Только зачем врать-то?

– И в чем я тебе соврал?

– Про индейцев.

– Да ну тебя к чертям собачьим! – оплеуху Джейк хоть и ждал, а все равно проворонил. В ушах зазвенело, больше от обиды, чем от боли – и он ответил точно таким же тумаком.

– Нож-то вот он! – Дэф ловко крутанул в ладони короткий нож.

Дрались мальчишки, впрочем, недолго: Корки напрыгнул на драчунов, решив, что те затеяли какую-то веселую игру, и без него, как же так! Раскатил их в стороны, принялся лизаться и тормозить то одного, то другого. Злость и запал тут же моментально схлынули – ну как ты собаке объяснишь, почему вот еще минут назад вы были друзья, а теперь уже нет? Корки решительно не хотел ничего такого знать, и поэтому ребята попросту отвернулись друг

от друга. Корки, балбес, улегся между ними, катался с боку на бок, требуя чесать ему мохнатое пузо. Дулись мальчишки не так уж и долго во многом как раз поэтому.

– Дурак.

– Сам дурак.

– Эй, что я тебе такого сделал?! – возмутился Дэф.

– В ухо дал, что же еще... – проворчал Джейк. Помолчал немного, потом нехотя выдавил:

– Ты это, извини, но я не думал, что сказал что-то обидное.

– Я не соврал, – буркнул Дэф.

– Но ведь я угадал?

– Да иди ты...

– Извини, – еще раз повторил Джейк, запоздало сообразив: как он сам боялся насмешек по поводу маменькина сыночка, так его друг, вероятно, не меньше не хотел ничего слышать на тему полукровок и утэвво! А Джейк прицепился, как заноза, то-то радости! Молодец, что и говорить!

Дэф только молча отмахнулся, и ничего не сказал.

Корки с умильным видом помахал хвостом и от души лизнул хозяина в лицо. Джейк, не сдержавшись, приснул: сохранять мрачный вид, уворачиваясь от мокрого, ярко-розового песьего языка еще никому никогда не удавалось.

Окончательно помирились они уже, конечно, на кукурузном поле – когда стреляли голубей. Лук у них был один, стреляли по очереди, Корки притаскивал добычу, но чаще мальчишки с азартным гиканьем сами неслись искать подбитую птицу, продираясь через могучие кукурузные заросли. Корки, хоть и не был голоден – свою порцию кролика он получил – мог и не донести.

– Обьестся и будет потом перьями плевать! – ворчал Дэф.

Связка голубиных тушек росла, а стрелы в колчане убывали – далеко не все из них возвращались с птицами, и тут, розовея ушами от стыда, Джейк признавал свою вину во многом. Из лука он стрелял хорошо – для городского парня. Что с мальчишкой-утэвво он и так и этак не смог бы тягаться, Джейк сообразил тоже уже потом. Все-таки про этих утэвво говорили всякое разное, и сторонились их, считая чужаками, почти в равной мере и белые, и индейцы; а что из этих разговоров правда, а что нет, Джейк понятия не имел. Впрочем, Дэф почти ничем на утэвво и не был похож, разве что вот глаза... да и смуглость загорелой кожи все-таки не красноватой бронзой, а оливковой, зеленоватой патиной² на этой бронзе отливает. Но это еще поди присмотришь, в самом деле, разгляди эту зеленоватость. Джейк вот вообще сколько времени смотрел – и не замечал!

Когда кончились стрелы, а от связок пернатых тушек отяжелели оба седла, мальчишки нарвали только-только наливающейся, молочной сладкой кукурузы, объелись ее, сколько влезло, и потом кидались друг в друга обгрызенными початками. Выбирались с поля растрепанные, исцарапанные... и наконец снова переставшие друг на друга дуться, выкинув из головы недавнюю размолвку.

И вот тогда-то и обнаружилось, что уже изрядно поздно. Небо стало рыжим, и огненно полыхало у горизонта, а в ложбинах поселились синие густые тени. Такие же тени следовали за мальчишками, их собакой и лошадьми – длинные и несуразные.

– Пора возвращаться, – вздохнул Дэф.

– Ага... – протянул Джейк.

Оба подумали – интересно, попадет за отлучку, или нет? Могло быть и так, и этак.

² Патина – зеленовато-бурый налёт, образующийся на предметах из меди, бронзы и медьсодержащих сплавах в результате окисления под воздействием окружающей среды. Придает старинным предметам благородность и особую красоту. На серебре также бывает патина – черно-буроватая, темно-серая или полностью черная.

Они стояли у края поля, смотрели в горизонт – туда, где яркое оранжевое солнце-тыква катилось к кромке дальних горных отрогов. Между ними уселся пес – узкая волчья морда и могучий загривок; Джейк и не сомневался уже, что Корки наполовину – волчьей крови. Спросить? Или... подумав немного, спрашивать ничего из того, что крутилось на языке, Джейк не стал, зато вместо этого протянул над собачьей головой руку:

– Слушай... а давай дружить?

– Ага, – фыркнул Дэф. Протянутую руку пожал и добавил уже серьезно: – Давай.

После прищурился и уверенно кивнул:

– А нас уже наверняка ищут.

Джейк поежился – ему могло равно и влететь за самоволку от отца, или все ограничилось бы добродушным хмыканьем, в зависимости от папиного настроения; Джейк о том хоть и переживал, но не слишком – вряд ли ему влетит сильно, если и влетит. А вот что за выволочку может получить удравший на весь день от работы его новый друг... Джейк храбро решил, что скажет в случае чего, что это была его идея, и виноват только он.

Да, конечно, мальчишек хватились. Только все вышло не так, как Джейк успел вообразить. Во двор они въехали вроде бы незамеченными. Успели расседлать и почистить лошадей, забросить связки голубей на кухню к свирепой Марте, и получить от нее нагоняя только за неплотно закрытую дверь, через которую коварно пробрался Корки. Пес тяпнул со стола полуоципаного петуха и был с ним таков. Мальчишки погнались отнимать, разумеется, под грозный вопль кухарки, подробно рассказывавшей, куда следует провалиться бестолковой собаке «и заодно ее придурочным хозяевам»

Давясь смехом, они тянули каждый в свою сторону – Джейк вцепился в загривок пса, а Дэф отнимал петуха, силясь хоть как-то выдернуть несправедную добычу из пасти мохнатого друга. Тот же прижимал уши, закатывал глаза – но пасть не разжимал, зараза такая, порывкая и все сильнее стискивая челюсти.

– Бесполезно, он не отдаст, – наконец сдался Дэф. Выпустил петушиную ногу, и Корки, почувствовав свободу вожаковой добычи, могуче встряхнулся всем телом. Джейк скатился с его загривка, как вода с утиных перьев, не удержал равновесия и плюхнулся на задницу, прямо в пыль. Хохотал он при этом как ненормальный, что в изрядной мере мешало встать. Просто сидел и смеялся, не в силах остановиться. Замечательное завершение дня – отнимать у собаки ворованную курицу! Точно так же смеясь, Дэф подал ему руку – и тогда Джейк, ухватившись за нее, наконец поднялся.

Тут-то на шум – не иначе, как на шум! – во двор высыпали взрослые.

– Ага, вот и они! Явились! – среди первых Джейк рассмотрел своего отца.

Пригляделся, стараясь понять, в каком тот настроении. Вроде бы хмурится, но не слишком старательно... может, и обойдется без выволочки?

– Ну и где же вы, молодой человек, болтались весь день? – ворчливо уточнил Джордж Фей у сына.

– Мы охотились на голубей и проверяли силки, – совершенно спокойно ответил Дэф, выходя чуть вперед. Джейк даже ничего сказать не успел!

«Уй-й-й» – только и подумал он. Глянул мысленно со стороны на себя и своего друга – растрепанные, пропыленные, у Джейка еще после короткой драки рукав рубашки порван и пуговиц на вороте не хватает...

– А я говорил, что они вместе удрали! – дядя Питер О'Нил тоже выдвинулся из толпы, поглядел на мальчишек, рассмеялся заразительно, как умел это только он. Хлопнул джейкова отца по плечу и подмигнул:

– Что, Джори, говоришь, хотел, чтоб мальчик научился знакомиться с нужными людьми? По-моему, ему не нужно этому учиться, он и без того прекрасно справляется!

И следом добавил, поворачиваясь к мальчишкам:

– Как охота, сынок?

– Нормально, пап, – Дэф пожал плечами, улыбнулся. – Только вот силки кто-то порвал.

Если бы были браконьеры – так кроликов забрали бы, да?

– Непременно, – кивнул дядя Питер. – Но их не забрали?

– Не забрали, – Дэф отрицательно мотнул головой.

Дядя Питер только картинно развел руками – ну нет, так нет, значит!

Джейк ошалело покрутил головой, пригляделся... и только сейчас сообразил, что длинная, едва ли не лисья улыбка и у отца товарища, хозяина ранчо дяди Питера О'Нила, и у его нового друга Дэфа практически одинаковая. Выходит, тоже О'Нил, да не просто – а еще и сын дяди Питера! Вот так шутка! А Джейк-то думал...!

– Идите в дом, юные рэйнджеры, – фыркнул Питер. – Голодные поди, как черти, а?

– Есть такое, – хором отозвались мальчишки, потом переглянулись – и приснули снова.

Определенно, если бы Джейку предложили второй точно такой же день, он бы ни в коем случае не стал отказываться.

2

– А все-таки, кто запутал силки?

Этот вопрос мучил не только Джейка.

Ведь снова же, снова кто-то болтался по тому оврагу, который Джейк про себя обозвал «кроличьим», а все вокруг называли почему-то Соломенным.

– А почему «Соломенный» -то? – допытывал Джейк.

Дэф, впрочем, только пожимал плечами:

– Да кто же его знает, почему! Кто-то давно придумал, вот все вокруг и повторяют. А кто, почему...

– Ты тоже не знаешь?

– Не знаю.

– Хм... ну, Соломенный так Соломенный.

В то утро, когда Джейк едва не проспал отъезд домой, его друг поднялся, наоборот, ни свет ни заря, и рванул в поле. Проверял силки – и вот незадача, снова наткнулся на то же самое: спутанные ловушки, и единственный нетронутый кролик. Не в силках, но все равно придушенный.

Собственно, даже попрощаться мальчишки не успели бы, не то, что обменяться новостями про снова порушенные ловушки – Джейка через час после отлучки Дэфа растолкал отец и велел собираться: уже девятый час, хватит спать, мы домой едем! Да, Джейки, не ворчи, едем, и прямо сейчас.

Джейк понуро вздохнул – но делать нечего, собираться так собираться... три дня пролетели, как один, хотя это были очень длинные дни! Длинные и интересные, и Джейку очень не хотелось менять их на что-то более скучное. Ох и не хотелось!

Пришлось натягивать чистую рубашку, выстиранную и заштопанную кухаркиной сестрой, и пыльные, зеленые от травы джинсовые штаны, думая про себя – от матери за грязь-то попадет, эх; потом нудно шнуровать ботинки, и тащиться наконец за взрослыми на крыльцо. К нему, крыльцу, уже подкатила повозка, и... Джейк крутил головой, ища друга – но ни его самого, ни его собаки, Корки, нигде не было видно.

Спросил дядю Питера, тот только пожал плечами – мол, Дэф наверняка бродит где-то, он рано проснулся. Джейк вздохнул с досадой – ишь ты, бродит он где-то. А еще друг называется. Потом со стыдом признал – ага, а ты самый настоящий засоня. И вот поди пойми сейчас, что больше заставляло Джейка хмуриться и понуро, нога за ногу, плестись следом за отцом: то ли грусть, что замечательные приключения кончились, толком не начавшись, то ли досада на самого себя, что проспал наверняка интересное утро (и что о нем при этом подумал Дэф! Задразнит же ведь наверняка!), или все же обида, что друг даже не пришел попрощаться?

Все вместе, если говорить честно. Все вместе.

Отец тоже сумрачно хмурился – у старших что-то не ладилось в их взрослых делах, все эти дни они только и делали, что спорили и решали эти споры, ходили то злые как дьяволы, то неразговорчиво-строгие, так что под руку было лучше не попадать. Такое и раньше случалось, но в этот раз, видимо, дело было совсем серьезное.

Мальчишки и старались не попадать – при всех сидели тихо, как мыши, зато во все уши прислушивались к разговорам: вдвоем это было даже интересно делать. Или – что чаще – пропадали на речке, в поле или вон шныряли по холмам в прерии.

В город, стало быть, и немедленно. Что же, Джейк слышал, как дядя Питер выдавал Фею-старшему какое-то поручение, да и с самого начала было понятно, что в гости они ненадолго. А Джейку вовсе расхотелось в город. Подумать только! Сюда он ехал, думая о том, как бы эти несколько дней пролетели побыстрее, а сейчас даже, наверное, отдал бы свою коллекцию

красивых монеток за возможность не уезжать! Скучное, как ему думалось сперва, деревенское житье на ранчо оказалось, как мешок ярмарочного фокусника, штукой с секретом. Если этот мешок вывернуть наружу подкладкой – пестрой, яркой, в блестящей мишуре и с кучей потайных лоскутных кармашков – никогда не поверишь, что минуту назад это был простой куль серой дерюги. Так и с днями на ранчо – главное, знать, где эта подкладка есть, и как ее вытянуть... Дэф вот, скажем, знал. И поделился секретом, так что Джейк теперь узнал тоже, и не хотел расставаться с этим «волшебным мешком», пока не выудит из него все-все фокусы. Еще бы, он ведь еще половины того, что хотел, не успел увидеть! И да, мальчишки так и не выяснили, кто лучше ныряет, а теперь уже и не выяснят...!

Джейка взяла отчаянная досада вместо обиды, и она странным образом вдруг придала сил и наглости. И тогда Джейк, стоя перед повозкой и ни на что особенно не надеясь, вдруг спросил у отца:

– Пап, а можно я тут подольше погощу? Меня Дэф звал на рыбалку, и в ночное тоже, и...

– А, так тебя пригласили?

– Ну да, – Джейк кивнул, промолчав о том, что, разумеется, с Дэфом-то они сговорились сразу же, а вот ни у кого из старших позволения еще не спрашивали.

– М-гм-м-м. Джейк, ты же понимаешь, что мама не одобрит?

– Понимаю. Но па-а-ап! Вот что я обычно делаю целыми днями, а? Торчу дома!

– Мог бы и матери помогать, вместо того, чтоб просто торчать.

– Ну пап! Ты, кстати, обещал, что мы съездим на тетеревов поохотимся, а сам уехал с этими, как их... в прошлом месяце! Я все помню. И на рыбалку – я не помню, когда мы уже с тобой ходили.

– На рыбалку? Да ты с младшим Несбитом только неделю назад...

– Мы с тобой, а не я с приятелями, – буркнул Джейк.

– И что?

– Да то, что у тебя снова дела, бесконечные дела. И... раз ты обещал, и не сделал, то я могу попросить что-то взамен, правда?

Джордж Фей досадливо крякнул, и признал – сын прав. Что тут попишешь – серьезно ведь, обещал. И не сделал. Нехорошо. Джордж вопросительно взглянул на Питера О'Нила, нахлобучив шляпу и сдвинув ее на одно ухо: ровно так, как терпеть не могла Джейкова мать.

– Пит, ты не против, а? – спросил Фей-старший у хозяина ранчо.

Питер пожал плечами:

– Ни капли. Только за – нормальному парню нечего задницу летом в городе протирать, твой сын прав. Я тебе давно об этом говорю.

– Ну ты что, не знаешь Сару? – Джордж хмыкнул, сославшись на супругу: у той в самом деле были какие-то свои представления о том, как стоит воспитывать их сына, и с джорджевыми понятиями они очень слабо сходились.

– Действительно, – отозвался Питер с такой язвительностью, что Джейку, хоть речь и шла о его маме, все равно сделалось смешно. – Что это я! Но вот что скажу – оставляй Джейка, хоть на все лето. И никакой беды не будет, я присмотрю, как за своим собственным. Тем более что они с моим сыном и правда, кажется, успели сдружиться...

– Успели, – кивнул Джейк. – И... здесь интересно. Мне здесь нравится.

– А Тед и Тилли? – Джордж прищурился, подначивая сына. – Что, прошла дружба, как не смогли решить, чья же то рыбина была, э?

– Нет, не прошла, – Джейк пожал плечами. – Только Тед уехал к тетке вместе с родней, а Тилли уже больше недели помогает бабушке с крышей сарая, его и не дозовешься никуда...

– Все с тобой ясно, маленький вождь краснокожих, – фыркнул отец Джейка. – Тебе бы только и носиться сломя голову. Так я и знал, что, чем дольше мама тебя дома держит, тем больше в тебе дури копится! Ну, ладно, уговорил. Оставайся, что уж. На две недели, слышишь?

– Слы-ышу...

– Эй! Ну ты же не думал, что я и в самом деле тебя тут на все лето оставлю?

А почему бы и нет, – подумал, но не сказал Джейк. Только хитро зыркнул на дядю Питера, посмеивающегося себе под нос. А что, подумал мальчик, раз уж если дядя Питер не против такого варианта, то он потом снова и уговорит Джейкова папу?! А хорошо было бы!

И вот тут-то за углом раздался лай, и следом возглас:

– Джейк! погоди, ты что, уже уезжа... – Дэф в самом деле едва не пропустил, как он думал, отъезд друга.

– Неа, – перебил его Джейк с широченной улыбкой. – Остаюсь!

Дэф восторженно завопил. Корки, радостно скача вокруг, поддержал его заливистым лаем.

– А, Джори, смотри, сколько у детей радости! Уже того стоит затея, э? К тому же, думаю, это на пользу будет обоим мальчикам.

– Ну смотри, как Сара и до тебя доберется... – шутливо пригрозил Фей.

– У меня нет трудностей с тем, чтоб успокаивать буйных дам, – фыркнул Питер. – Она послушает меня и согласится, вот увидишь!

Джордж Фей хотел еще что-то сказать, как-то подначить товарища, но поглядел на мальчишек и счел, по-видимому, задуманную шутку излишне соленой, чтоб озвучивать ее при детях. Поэтому хмыкнул и забрался в повозку, махнув на прощание.

– Веди себя прилично, Джейк! Как мужчина, а не как неженка, – погрозил из окна и укатил.

– Хорошо, пап! – звонко крикнул Джейк вслед.

– За-автра-а-ак, – донеслось из глубин дома. – Завтрак готов!

Марта накрывала на стол. Просить дважды мальчишки, конечно, себя не заставили.

И вот после плотного завтрака, после экскурсии по конюшням, устроенной дядей Питером – тому пригнали новых лошадей, и он отправился их смотреть, позвав с собой мальчишек – и после того, как солнце заползло в самую верхнюю точку и заставило попрятаться в тень все живое, ребята валялись на чердаке под самой крышей высоченного амбара, грызли натасканные из сада яблоки, и обсуждали эти самые силки, кроликов и овраг.

– И смотри какая штука – кролика-то кто-то из петли все же вынул! Точно кто-то хотел забрать, но... испугался? Не успел? Передумал, может быть? Ничего не понятно, в общем, – рассказывал Дэф. – Вот ты как думаешь?

– Думаю, что тогда это точно был или ворюга, или браконьер! – ответил Джейк, как следует пораскинув мозгами. Ничего другого в голову и не шло, хоть лопни.

– Поставлю ловушку с дротиком, вот тогда узнаем, – проворчал Дэф, кровожадно поблескивая глазами в полусумраке амбара. Вряд ли он злился всерьез, но странность этой ситуации – ведь так никто и не признался, чьих рук дело! – заставляла постоянно крутить в голове эту, казалось бы, совсем незначительную историю. Потом все же со вздохом признавался – нет, не поставит: в такую ловушку может угодить и лошадь, и корова... и даже совсем ни в чем не повинный человек.

– Хотя-а-а-а... если дротик достанется вон тому типу, я не буду расстраиваться, – Дэф подобрался к окошку, показал рукой вниз.

Джейк выглянул, увидел идущего по двору мужчину в сомбреро – по виду, работник, смуглый усатый тип средних лет, плотный и тяжеловесный, хотя вовсе не толстяк. Он остановился, заговорил с кем-то, откуда не было слышно толком, о чем и с кем.

– Это Пас Дельгаро, один из старших погонщиков. Такая редкая дрянь, – сумрачно заявил Дэф. – Корки его терпеть не может... и я тоже.

Подкинул на ладони огрызок яблока, прищурился – и запустил им, угодив точно в верхушку сомбреро. Шляпу сбilo с головы, ветер покотил ее по двору. Пас, взревев, погнался

за нею, то и дело озираясь по сторонам: искал хулигана. И громогласно ругался при этом такими выражениями, что уши вяли: Джейк некоторых слов даже никогда и не слышал раньше!

Дэф мрачно, с мстительным торжеством улыбнулся. Джейк, зажимая себе рот ладонями, чтобы не загоготать в голос (и тем самым, несомненно, выдать их убежище!), перекатился на спину, уставился в дощатый потолок – сквозь узкие щели в нем в нутро амбара проникали лучи света; они солнечной сеткой расписывали стены амбара, да и все подряд, что было вокруг. Долго давить в себе смех оказалось невозможно, и слава богу, что Пас был уже далеко. Джейк засмеялся, громко и заливисто.

– Надо духовую трубку сделать, – протянул с видимым удовлетворением Дэф. – Хотя бы небольшую. Пригодится!

Джейк снова прыснул, дрыгнув ногой от избытка чувств. А если бы еще выглянул в окно, то и вовсе бы согнулся от хохота: Корки остервенело грыз удравшую от зловредного ковбоя шляпу, ловко уворачиваясь от сыплющихся на его бока пинков.

А вот как Марта высунулась в окно и плеснула из ведра – щедро, с оттяжкой – чтоб перестали шуметь, он уже видел; и над этим мальчишки смеялись уже вдвоем, долго, взалхб.

Ни мстительности Паса, ни возможных ябед они не боялись – их ведь, в конце концов, никто не поймал, а тяжелый нрав Марты и вовсе не в их власти, что уж там!

Отчего Корки невзлюбил старшего пастуха, Джейк узнал в этот же день – работники вовсю обсуждали утренний казус со съеденной шляпой. Смеялись, тыкали пальцем за спину, когда мимо проходил злющий как черт, Пас, и подмигивали друг другу. Марта свирепо грозила из окна скалкой – ей тоже доставалось от сплетников, да и перед хмурым Пасом все же пришлось извиняться, а уж такого мартин нрав не мог вынести спокойно.

Пас добыл себе новую шляпу, светло-бежевую *вакero* – и теперь напоказ отряхивал с нее пылинки и хватал за руки всякого, кто пытался эту шляпу тронуть.

Самого Паса с его вислыми темными усами, квадратным обветренным лицом и подозрительно щурящимися карими глазами в складках тяжелых век Джейк как следует рассмотрел, когда мальчишки увязались за табуном: пастухи гнали лошадей на водопой, на реку – но не туда, где ребята уже успели побывать. Дэф сказал, что там красивое место и с него видно в хорошую погоду даже самые дальние горные гряды, синие-синие, точно прозрачные, точно нарисованные, точно приснившиеся или сотканые из воздуха – и Джейку тут же захотелось посмотреть.

Сказано – сделано! Текучая живая река из лошадей – Джейкоб сроду не видел столько мелькающих копыт, плещущих по ветру грив и хвостов, прядящих ушей и внимательных ярких глаз разом! – текла по прерии, намереваясь вклиниться еще одним причудливым потоком в воды Рэд-Крик. Люди верхом на лошадях под седлами подгоняли табун, не давая тому рассыпаться и разбредаться. Тут и там раздавались возгласы и щелчки кнута в воздухе, и до чего же было здорово ехать со всеми, чувствуя мощь табуна, несущуюся совсем рядом с тобой!

Работа не требовала большой силы, но сноровки, ума, и слаженности действий – еще как. Пастухов было довольно много, и большая часть ковбоев оказалась не против компании младших ребят – ворчал один только Пас, и Джейк тут же сообразил, за что его можно было невзлюбить с одного только первого взгляда. Грубое загорелое лицо его выглядело вечно недовольным, точно у него заняли доллар и до сих пор не вернули, и смотрел он на всех, как будто считал остальных если не хуже, то уж точно глупее себя. А дальше – так и больше:

– С дороги, мальчишка, – буркнул он, едва не задев чуть замешкавшегося Джейка – проехал так близко, что тому пришлось подать лошадь – всю ту же крапчатую малышку – назад. Кобылка недовольно всхрапнула, но хотя бы не шарахнулась, и то хорошо.

– Эй, старшой, ты полегче... это же фэев сынок, Джорджа Фея, ты что, не слышал? Да *patron* тебе голову снимет, если малец нажалуется, – тут же окликнул его один из ковбоев,

смуглый черноглазый малый – его звали Диего, он был очень молод, но не по годам рассудителен. Джейку Диего понравился – он выглядел весельчаком, да и, когда ты мальчишка, с парнем лет восемнадцати всяко быстрее найдешь общий язык, чем с мрачными дядьками вроде того же Паса.

– Я не ябеда, – с достоинством ответил Джейк.

– Н-да? Ну, извините, молодой господин, – Пас чуть приподнял шляпу и неприязненно зыркнул на Джейка. – Но сделайте одолжение, не путайтесь под ногами у взрослых!

Джейк вспыхнул. Прежде, чем он успел что-то сказать, Диего, подъехав ближе, похлопал мальчика по плечу:

– Не обращайтесь внимания, юный сэра. Пас не в духе сегодня.

– Пас всегда не в духе. Диего, он так и напивается по вечерам? – это Дэф наконец протолкался к другу поближе через табун и, сощурившись, как кот перед прыжком, смерил взглядом новую пасову шляпу, мелькающую меж лошадиных спин и боков.

– Нну-у-у...

– Понятно, ты тоже не ябеда.

– Ни в коем случае! Но... случается, сэра. Честно – случается. Правда, руки больше не распускал, клянусь! Скандалил, но драк больше не было. И ничего другого тоже.

– И на том ладно, – холодно бросил Дэф. Сейчас он как никогда сильно походил на своего отца, это даже Джейк заметил. Диего же только руками развел – сказать юному ковбою было больше нечего.

Дэф кивнул Джейку – и они поехали дальше, обгоняя табун. Река была рядом, а значит, и возделенные синие, прозрачные дальние горы... Дэф рассказывал о лесах на Рио-Гранде и этих самых дальних горах так, точно побывал там сам – и Джейк вдруг подумал: а может, и побывал, кто ж его знает! «Я спрошу... но потом. Потом, когда это уже не станет казаться попыткой уличить во вранье или снова допытывать про утэвво. Спрошу – когда-нибудь» – решил Джейк. Ему было любопытно, но после недавней драки он опасался лезть с расспросами: вроде бы друг про ту стычку и думать забыл, но уверенности в том никакой не было. Джейк запоздало понимал, почему так: до этой поры он полукровку-утэвво видел всего однажды, и ничего хорошего вспомнить не мог. Этих самых полукровок отчего-то все или сторонились, или откровенно недолюбливали, и если они большей частью таковы, как тот парень, которого видел Джейк – он был скрученный, как древесный корень, и точно пораженный какой-то странной болезнью, и на человека-то походил только условно. Кому же захочется, чтоб тебя сравнивали с такими! Джейк про себя решил твердо – он ни за что больше другу ни словом, ни делом не напомнит о том их дурацком разговоре.

А горы и правда были как хрусталь

А горы и правда были как хрусталь, как расписное стекло, почти призрачные. Синие тени, легкие волны, мазки гигантской кисти, окунутой в акварельную лазурь – не верилось даже, что они, эти дальние горы, в самом деле настоящие, а не грезятся тебе сейчас, смотрящему вдаль, как миражи из старых баек и сказок.

– Смотришь, как будто сон наяву видишь! – не сдержал Джейк своего изумления.

– Красиво! – восхищенно прищелкнул Дэф.

– Красиво... – Джейк не понял, речь о горах или его словах, но согласен был в любом случае.

Мальчики долго стояли на холме, вглядываясь в дальний пейзаж. Сперва молчали, а потом принялись обсуждать: а что, мол, там, за горами-то? А может, там и не дорога на Санта-Фе, та самая Большая Тропа? Или как раз она, но если с нее свернуть, то попадешь... попадешь куда-нибудь, куда никто до тебя и не заезжал?

Рассуждать об этом было и весело, и интересно, и жутковато. А меж тем, пока ребята болтали, пастухи гнали лошадей дальше, вниз со склона, к самой воде. Табун врезался в речные волны, перекликаясь многоголосым ржанием.

– Водопой – дело небыстрое. Несколько часов, а там и вечер уже. Пастухи будут ночевать в долине, сторожить ночной выпас. Поутру их сменят, – пояснял Дэф. – Мы можем поехать домой, а можем остаться в ночное, ты как? Я бы остался... поужинаем с ребятами. Тушенка, картошка, похлебка на костре, а?

– Давай останемся, – предложил Джейк с надеждой. – Ночевка в холмах, надо же!

– Я так и знал, – усмехнулся Дэф. – Давай!

Так они и сделали.

Вот уже у ночного костра все от того же Диего Джейк и услышал, за что Паса невзлюбил серый пес его друга. Парень жевал лепешку и споро работал ложкой, черпая похлебку из котелка, но и болтать успевал:

– А с Корки их мир не берет вот почему – Пас попросту хотел его утопить, когда Корки был щенком. Пятнистая собака из конюшенных загуляла в степи, и по зиме, в самом ее начале, принесла двух щенков; один родился слабым, прожил пару часов только. А второй – второго она прятала еще неделю, и когда Пас наткнулся под крыльцом на неучтенный приплод, да рассмотрел, что тот – волкособ, то есть принесла-то его Пятнашка от волка, экая штука вышла! – так немедля заявил, что дикарский щенок тут ни за каким чертом не сдался, у них-де скверный характер.

– Говорят, помесь собаки и волка вообще нельзя приручить, – наставительно сказал один из ковбоев постарше.

– Билл, да кто когда пробовал! Говорят... кто говорит-то? – отмахнулся Диего.

– Ну я попробовал. Получилось же, – заметил Дэф.

– Так он только вас слушает, юный сэр! – воскликнул Диего с легкой досадой.

– Но и никого, заметь, не укусил еще ни разу... без приказа, – Дэф погрозил неведомо кому своей ложкой, и старшие сдержанно рассмеялись: шутка вышла неплохая, и все отлично поняли, что она значит. Без приказа, значит, нет... а вот по команде очень даже!

– А дальше-то что было – ну, с Корки? – любопытствовал Джейк.

– Да ничего, – Дэф почесал лежащего у его ног пса. – Отобрал я его у Паса, да и все. Сказал, что это теперь моя собака.

Корки негромко гавкнул, и Джейк, улыбнувшись, протянул ему кусок хлеба.

Пес его с деликатностью взял, и собравшиеся вокруг костра обменялись удивленными замечаниями – гляди-ка, а Корки и правда кого-то еще, кроме хозяина, считает за хорошего товарища, а не норовит тяпнуть за руку или ногу!

Джейк смотрел на собаку, которая была на самом деле наполовину степным волком, и потихоньку понимал – будь у него самого такая собака, он бы точно так же никогда и никому ее не дал в обиду. Как лучшего друга. *Как и лучшего друга.*

3

Ночь легла на прерию – темно-синяя, чернильная, глухая. Джейк и не думал, что в самом деле летней ночью может быть настолько темно. Густую бархатную черноту едва разбавлял рыжий свет костра, слегка оттеснял от стоянки, от собравшихся вокруг огня людей... и все. Сделаешь шаг в сторону – утонешь в этой тьме. В городе – да даже и на ранчо! – свет из окон домов и над крыльцом казался куда как более надежным, ярким и сильным, чем одинокий костер посреди ночной прерии. Да, их костер горел ровно – пастухи то и дело подбрасывали в него веток и сухой травы, заботясь и о свете, и о тепле: после знойного дня ночная прохлада зябкими пальцами лезла под одежду, неприятно щекотала шею и заставляла кутаться в куртки и пончо. Джейк пожалел, что не захватил куртку – но Диего принес откуда-то еще одно пончо, набросил друзьям на плечи, сразу обоим; потрепал лобастую голову пса – и Корки лишь вяло лизнул ладонь парня, разочарованно вздохнув: угощения в ней не нашлось. Джейк фыркнул, подумав, что скверная репутация Корки явно преувеличена, с такими-то манерами!

Джейк pokrutil головой: там, где кончился круг света, темнота лежала, точно индейское одеяло: на холмах и реке, на дальних горах и ближних деревьях, на лошадиных спинах; ведьминой пряжей, в которую скоро добавятся и седые нити тумана, путалась в траве, скользила по плечам, если отходишь от костра, и касалась лица мягким крылом, точно невидимая птица.

Где-то в прерии перекликались, выйдя на ночную охоту, койоты – их плачущие голоса раскатывались вдаль, как унылая, монотонная песня вроде индейской.

Спать никто и не собирался – наоборот, поужинав, люди принялись неспешно беседовать кто о чем, проверять карабины на всякий случай, обмениваться новостями. Кто-то набивал трубку, кто-то достал губную гармошку, наигрывая немудрящий мотивчик. Беседующие похатывали, тыкали друг друга в бока, махали руками, уличая в излишней болтливости – все, как всегда, как везде.

Джейк не особенно прислушивался, о чем говорят старшие. Заметив, что его друг устал в огонь и словно уснул с открытыми глазами, потыкал его тоже:

– Эй... ты чего?

– Думаю. И – слушаю, – тут же отозвался Дэф.

– И?

– И ты послушай, – он кивнул в сторону кучки народу, собравшихся поближе к Биллу, тому седоусому ковбою, что говорил про сложность приручения щенков-полувожат. Джейк наострил уши.

Билл рассказывал какую-то жутковатую байку; судя по всему, только начал, и слушателей у него, как заметил Джейк, все прибавлялось.

– Моя тетка – а она, хоть и белая, росла в одной семье с индейцами-*юрок*, потому что сама с западного побережья – мне рассказывала еще вот такое, когда я был возрастом вон как наши ребятки: пошли как-то двое парней на охоту. Собирались бить оленей. Взяли с собой каждый по шесть собак. И пошли в разные стороны – условились встретиться вечером на третий день, похвалиться, кто в чем удачливее. Были они друзья меж собой, но соперничали во всяком ремесле, и крепко соперничали! Говаривали, что не дойдет до добра однажды дело с их попытками выставиться друг перед другом сильнее, ловчее и умнее, чем товарищ. Да, говорили. И вот, идут, каждый в свою сторону. И слышат собак друг друга. И примечают – тут моему приятелю удача, видно, была... а тут упустил зверя!

– Билл, да ты не заливай, – фыркнул кто-то. – На оленей охотились если – меж ними расстояния такие, что ни одну собаку не услышишь!

– Не перебивай, Том, – шикнули на него.

– Я знать того сам не знаю, а как мне рассказывали, так вам и говорю, а не нравится – иди вон проверь лошадей, а то койоты что-то близко подобрались!

Том с фырканием отмахнулся, покривился – но все равно взял ружье и поднялся на ноги. Проверить, и правда, было бы недурно. Эту нудную обязанность по очереди исполняют все пастухи, и отлынивать смысла большого нет – наоборот, сейчас сходишь – потом под утро, когда сильнее всего хочется спать, никто не станет теревить. И Том пошел, еле слышно насвистывая под нос не слишком приличную кабацкую песенку. Джейк узнал мотивчик и смешливо фыркнул. Знать таких песенок ему, конечно, не полагалось, но... вон Дэф тоже ухмыльнулся поразбойничьи, покосился на друга, тихонько шикнул: история Билла только-только подобралась к самому интересному же!

– И вот, – продолжал Билл, – приходит первый вечер. Завыли, залаяли собаки одного из охотников, стали скулить, глядя в лесную чащу. А в лесу ветер ходит – да такой, что стволы больших старых деревьев трещат и гнутся, как тростник на реке в грозу! Охотник испугался, привязал собак к себе, велел им сидеть рядом.

Ветер пошумел и стих, а охотник в страхе только под утро заснул, пригревшись меж собак-то. Пошел на охоту и дальше. Еще добыл сколько-то – идет, думает, где на ночлег встать получше в следующий вечер. Удачный второй день охоты был, лучше прежнего, да.

Второй вечер пришел – и точно так же завыли, залаяли собаки, и стал в глубине леса ворочаться жуткий страшный вихрь – ближе, чем был! Не успел охотник собак кликнуть к себе, и на одну сворку взять – собаки отбежали от костра, стали громко лаять да на тот смерч рычать, точно чуяли в нем какую-то злую силу. И напрасно охотник подзывал их – ярились-ярились псы, а смерч все ближе трещал, пока не выкатился на ту поляну, где охотник с собаками ночевал. И унес вихрь собак – одну за другой! Ра-аз, поднял, закрутил – и нету! Одну! Вторую! Третью!

Билл тыкал узловатым пальцем перед собой на каждом восклицании, и слушатели замерли, ожидая, что будет дальше.

– И так всех собак унес ветер, всех шестерых. А потом ветер дохнул на костер – и тот погас! Поднялись, закружились в воздухе головни и пепел, как до того кружились собаки – и пропали точно так же. Охотника взял ужас – а как его тоже унесет сейчас? Но вот вдруг прислушался парень – и что же он слышит? Точно голос какой-то в этом вихре шепчет странные, жуткие слова. И, сам не свой от страха, принялся парень их повторять, повторять, повторять... как молитву.

Да, как молитву, сохрани Дева Мария мою христианскую душу за такие слова, но именно так и было все. Вот, значит, походил этот страшный вихрь, завывая – у-у-у-у! – вокруг, а самого охотника-то и не тронул. Глядь по сторонам он – а уже почти светает. И вихрь затих, пропал, точно его не было.

Собрался, пошел – только не на охоту уже. Какая там охота без собак! К месту условной встречи пошел. Как раз день шел еще, вечером встал так же, а друга все нет и нет... ждал, ждал – слышит, снова ветер гуляет в чаще. Слова вчерашние припомнил, только начал их повторять – а выходит его приятель, ты гляди-ка! А вихря – вихря-то и нет как нет больше. Вот он, друг-товарищ этот, подходит, и говорит:

– Слышал ветер, видел, что бывает с теми, кто не знает нужного слова?

Видел, говорит первый охотник. А что это вообще такое-то хоть? Я смотрю, твои собаки с тобой! Что же, ты знаешь про ветер, но... Засмеялся тогда приятель и говорит – это, братец, и был я. Я сделался *sikkuli* – гигантской подземной птицей, именно такая птица производит смерч, хлопая крыльями. А вот кто не знает нужной молитвы, того унесет! Да! Я это и был!

Последние слова Билл чуть ли не выкрикнул в торжестве, и страшно рассмеялся, подражая охотнику-колдуну. Вышло до того натурально, что кто-то обжегся кофе, который зачерпывал из котелка – уронил от неожиданности чашку, и заругался.

Билл снова засмеялся – но своим нормальным, обычным смехом. Диего то ли досадливо, то ли восхищенно крикнул – история вышла жутковатая. Джейк поймал себя на мысли, что съезжился под широким чужим пончо, и машинально подвинулся ближе к приятелю.

– Дурацкая сказка, – проворчал тот, кто пролил кофе. – Мальчишек вон только пугать!

– Э-э-э-э, – погрозил пальцем Билл. – Если бы сказка!

– Больно уж жуткая для сказки, – пробурчал следом еще один из пастухов.

– Зря ты, старик, среди ночи такую страхотищу рассказываешь, – зевнул Пас. – Я только только пить решил завязать, ну! Станут среди ночи всем мерещиться эти... смерчи-птицы! А снова на меня сопрут, что я напился и буянил!

Ковбои засмеялись. Улыбнулся, против ожидания, и Дэф. Корки поднял голову, коротко гавкнул куда-то в темноту.

Диего возмутился:

– Вот сейчас если еще собаки поднимут переполох...!

– Кстати, Билл, а что это за подземная птица-то такая? Я таких не слышал никогда!

– Подземная, потому что колдовская, – пояснил старик. – А какая именно – так сова, говорят. Сова.

В темноте, над рекою, гулко, плачуще зауhalo. И это были не койоты.

– Сова, – произнес кто-то. – Сова. Ухает.

Люди запереглядывались. Джейк протянул руку, нащупал загривок Корки. Против ожидания, пес был совершенно спокоен, успокоился и мальчик. Поглядел на друга – тот только пожал плечами, настороженно сверкая глазами в темноте. Прислушивался, ага. Потянул на себя пончо, чуть не стащив его с Джейка, тот тихонько возмутился, отвоевал свою часть – и оба, переглянувшись, вздохнули с облегчением. Больше сова не кричала. Сладко зевнул Корки, подставив для почесываний голову сразу под две разные руки.

– Черт вас подери с вашими индейскими сказками! – зарычал тот же самый тип, что облился кофе. – Как дети!

– Эй, То-ом! – окликнул в темноту кто-то. – То-о-ом! Ты там сову не видишь?

– Каку-ую еще сову-у? – приглушенно, издали отозвался сквозь ночную пелену ушедший проверять лошадей Том. – Только койотов! Кто следующий после меня-а-а? А?

Собравшиеся рассмеялись – и взрослые, и подростки, совершенно с одинаковым облегчением. Том возвращался, все так же насвистывая песенку – уже другую, правда.

– Фу-т-ты, Билл. Ну и рассказы, – когда Том вернулся, и его сменил любитель кофе, а ему пересказали биллову историю, и он только усмехался под нос. – Еще немного, и вы бы решили, что меня унес совооборотень, да?

Снова послышались смешки. Билл ухмылялся, довольный произведенным эффектом.

– О, я вот слышал, кстати, про индейскую ведьму... – оживился было следом еще один рассказчик.

Пас заковыристо ругнулся, и тему с колдовством и индейскими сказками по его требованию закрыли. Джейк разочарованно вздохнул – он бы послушал, хоть и страшно! Но больше ничего такого и правда не вспоминали – просто пели песни да говорили про разные новости.

Джейк какое-то время сонно клевал носом, но слышал сквозь дрему что-то про золотосносный участок и грабителей, что не взяли ничего из вещей недавно проезжавшего через город стряпчего – только купчую на этот участок, и... и куда делся стряпчий, на кого была купчая оформлена, и правда ли, что ее хотел прибрать к рукам некий Генри Маккарти, и что все это значит, дальше начинались догадки, самые разные, самые фантастические – ничуть ни лучше, чем в истории про подземную сову-колдуна.

– Ложитесь спать нормально, юные господа, – разбудил Джейка Диего, потыкав того в колено. – Постелите потники на землю и спите – вам без нужды дежурить со всеми...

– Не-а, – Джейк тут же встрепенулся – одновременно с Дэфом, и мальчишки, подняв склоненные друг к другу головы, чувствительно стукнулись лбами. Переглянулись, рассмеялись, потирая один левую, другой правую бровь.

– Да ну, какой спать... – отмахнулся Джейк. – А вдруг что интересное?

– Там еще был кофе, – подмигнул Диего, поняв, что ребята не затем потащись в ночное, чтоб проспать интересные разговоры и байки.

– О, отлично, – согласились ребята. – Давай сюда!

Поделив остатки крепкого и непроглядно-черного питья из котелка, они жарили на тонкой ветке над углями ломти хлеба и глазели в небо. Ночную темноту над головой украсили крупные и яркие звезды – и мальчишки искали знакомые созвездия. Джейк с ходу нашел только Медведицу, а вот Дэф уверенно показывал и называл какие-то совсем незнакомые и странные имена звездных фигур: Змея, Кабан, Глаз Орла...

– И все... больше не помню. Раньше больше знал, – с досадой признался он.

Джейк пожал плечами – ему и это казалось ого-го как много.

– Я скоро, – он отставил пустую уже кружку, поднялся на ноги: захотелось посетить кусты по малой нужде, и так сколько ждал... сейчас вот, когда выдуло из головы совиный колдовской вихрь совсем другими разговорами, можно и сходить уже, что он и сделал. Сперва, конечно, глазам было непривычно – казалось, ступаешь в густой кисель, ничегошеньки не видно!

«Как хорошо, что ночью змеи спят», – подумал он. Покрутил головой – по низинам начинал стлаться туман. Сонно всхрапывали лошади – некоторые дремали, некоторые щипали траву. Мелькнули вдалеке две светлые точки – койот, кажется.

Кто-то из ковбоев стукнул колотушкой, отгоняя зверей – точки пропали. Точно, койот. Ночь теперь виделась мальчику колдовским морем, что накрыла все живое с головой – знай себе сиди тихо, держись за свой огонек, как за волшебный якорь, чтоб утром, когда это темное море хлынет обратно, оно не унесло в своих волнах и тебя тоже...

Тряхнув головой, Джейк выбрал кусты поудобнее, справил положенное дело и вернулся обратно. У костра, разумеется, было намного уютнее.

Снова раздалось совиное уханье – какое-то прямо-таки издевательское, надо сказать. Джейк прислушался. Что-то было странное в этом уханье.

Кто-то вяло заругался, костеря сову на чем свет стоит.

Уханье – рыдающее, надрывное – повторилось.

– Да это же не сова, – рассмеялся Джейк. – Послушайте, послушайте! Это же человек сове подражает. Ну!

Уханье. Все прислушались – слова Джейка показались не лишенными смысла.

– Эй, да сколько можно?! – возмутился кто-то. – Ну точно, кто-то шутит, при чем даже, наверное, из своих!

– А мы сейчас тоже пошутим, – веселясь, предложил Джейк. – Я тоже по-совиному ухать умею!

И только он поднес руки ко рту, как на него внезапно налетел вскочивший на ноги Дэф. Сцапал, зажал рот ладонью, узкой и жесткой. Зашипел в самое ухо:

– Ты что, рехнулся совсем?

– М-мм! – протестующе замычал Джейк. С трудом отцепил от лица почему-то пахнущие польню пальцы: – Пусти!

– Ты сдурел, Джейки? Нельзя так делать!

– Как?

– Отвечать ночью какой-то твари, которую ты не знаешь, – сказал Дэф, и Джейк, решивший было, что друг вздумал его разыграть, вдруг разом поверил, что Дэф говорит серьезно: уж больно мрачно тот на него посмотрел.

– А я разве не знаю? – для порядка проворчал Джейк.

– Не знаешь, – подтвердил Дэф. – И погляди на Корки!

Пес стоял, вздыбив загривок, и тихо, проникновенно рычал, глядя куда-то в сторону реки. Потом метнулся серой тенью прочь.

– Корки! Корки, вернись!

Снова заухало – то ли сова, то ли нет... Джейк вздрогнул. И снова мальчишки крикнули уже вместе:

– Корки!!!

Над рекой пронесся слабый вздох ветра – негромкий рык, отголосок недавнего совиного крика... возня, снова рык, борьба.

– Сказки, говорите? – уточнил кто-то негромко.

Повисла тишина.

4

– Давайте ружье сюда! – рявкнул Пас. – Что за чертовщина еще такая?

– Корки! Назад!

Люди всполошились, и тишина треснула, как скорлупа птичьего яйца.

Клацнули ружья – одно, другое... Из туманной ночи выплыла бесшумная фигура – Корки. Он подбежал к хозяину, ткнулся в колени, мало не уронив его на траву.

– Это собака, наша собака, успокойтесь! – крикнул Джейк.

Впрочем, стрелять в Корки и так не собирались.

Дэф присел перед собакой на корточки, повернул песью морду к свету, оттянул губы, с затаенным ужасом ища чью-нибудь кровь – но морда была чистая, только кусок какой-то ветоши в зубах застрял. Разжав псу пасть, Дэф вытянул обрывок, покрутил в руках. Просто серая ветошь, какой в хозяйстве протирают все подряд – от ружей до пряжек сбруи или просто грязных рук.

– Ничего не понятно, – буркнул он. Взглянул на Джейка – мол, ты что-нибудь понимаешь? Тот растерянно развел руками: нет.

Старшие точно так же не могли взять в толк, что происходит:

– Так, я сейчас найду, кого он там грыз, и того, кто ухал, и будь это даже сам апостол божий... – прорычал Пас снова.

– Пас, не богохульничай!

– Да мне плевать! Я сказал – попадись мне только этот шутник...!

– Что, казнишь судом Линча, э?

– Шкуру спущу! Работать за пятерых будет, – и следом прибавил испанское грязное ругательство.

– Пас, твою же душу! – возмутился кто-то.

– О моей душе не переживайте, – рявкнул он в ответ.

– Что у вас тут за переполох? – перестук колотушки оповестил настороженных людей, что идет дежурный. – На нас что, напали? Но у меня все как раз спокойно!

Это вернулся тот, кто сменял Тома – парень, что пролил кофе, парень, которому не понравилась история Билла... Джейк попробовал вспомнить, как его зовут – и не сумел. Спросил у Дэфа.

– Боб, кажется, – ответил он. – Во всяком случае, назвался он так.

Переполох погас сам собой – а с ним и увяли все интересные разговоры. Что же... мальчики, поглазев еще немного в небо, все-таки улеглись спать.

Уже проваливаясь в сон, Джейк видел, как, снова нацедив себе в кружку питья, Боб поворачивается в пол-оборота к беседующим. Лицо его в полутени, и Джейк вдруг соображает – а он его ведь так и не рассмотрел до сих пор. Боб был не слишком компанейским парнем, ходил себе, уткнувшись в кружку, а днем и вовсе натягивал по самые глаза сложенный уголком платок, спасая нос и рот от пыли. Но сейчас вспыхивает ярче обычного костер, в который кто-то подбросил особенно крупную сухую ветку – и Джейк видит, как вычерчивает яркий рыжий свет скошенную скулу, кривой, точно много раз сломанный нос, больше похожий на птичий клюв в таком виде, и круглые, большие глаза с почти начисто отсутствующими веками. Желтые, как огонь, яркие, беспокойные. Как у совы.

Джейк собирался было подскокнуть, изумленный, вскрикнуть «смотри!» или что-то еще подобное – но поздно. Сон сморил его, и утащил в дремотные глубины, точно на дно темного колодца, где плескались вместо воды всяческие видения. И приятных в эту ночь Джейку не досталось, спал он скверно. Сон был похож на черную мутную воронку, и в самой сердце-

вине ее гнездились кошмары, липкие и цепкие. Такие, что оплетают и не выпускают до самого утра, и даже с первыми лучами солнца вовсе не спешат выпустить добычу.

Боб поворачивается в пол-оборота к беседующим.

– Эй, Джейки! Дже-ейк, засоня! Просыпайся! Корки, ну ты видел? Давай буди его, сколько можно уже!

Джейк заворчал и попробовал спрятаться под пончо с головой, но Корки, этакий зараза, утянул пончо, и теперь старательно работал языком, вылизывая мальчику лицо. На вялые попытки отвернуться или отмахнуться пес не реагировал никак – и где-то рядом заразительно хохотал Дэф, наблюдая за джейковыми мучениями.

До этого он пробовал будить приятеля сам – щекотал нос травинкой и тряс за плечо, но все безуспешно. А Корки справился почти моментально.

Правда, проснулся Джейк как-то странно – не так обычно просыпаются довольные жизнью мальчишки, которых будит мохнатый друг. Обычно полагается ругаться и смеяться вперемешку, улыбнуться от уха до уха, сесть на лежанке, проснувшись до конца, и начать тормозить вредную псину в отместку, хватая за уши и нос, пока мокрый язык не добрался и до твоих собственных ушей с макушкой... Джейк же судорожно вдохнул, как человек, вынырнувший с большой глубины – тяжело, с хрипом. Сел – рывком, не открывая глаз. И только когда Корки ткнул его холодным носом в шею, наконец встряхнулся и... и проснулся как положено – с улыбкой и с шутивным возмущением.

– Эй. Что с тобой? – озадаченно спросил Дэф.

– Гадость какая-то снилась, – поежился Джейк. – Не помню уже.

– А! Это бывает, да... зато ночь уже все, кончилась – вместе со снами!

– Я бы лучше просто поспал, без снов, – пробурчал Джейк

– Ну ты и засоня, братец! Со-ооня! – Дэф протянул это таким тоном, и с таким неподражаемым лицом, что Джейк моментально подобрался; ага, все-таки он угадал сразу! И его новый друг – и первостатейный задира, и насмешник, каких поискать. Только вот... Джейк ухмыльнулся: а все-таки друг, да. Насмешничает, кривляется, подмигивает, зараза такая! На душе необъяснимым образом вдруг посветлело после сумрачного кошмара. Он скорчил страшную рожу в ответ, и ткнул товарища в плечо:

– Да иди ты... в лес! Если бы тебе приснилось такое...!

– Если приснилась гадость, наоборот, надо проснуться поскорее, – отмахнулся Дэф.

Равновесие от первого тычка он не потерял, а второй раз попросту поймал джейкову руку, поднялся с корточек сам – и рывком поднял друга на ноги.

– Пошли лошадей седлать, – сказал. – Позавтракаем в дороге, а то все уже собрались. И смена приехала – вон, гляди. Собираемся.

Этим и занялись – как раз уже пастухи все проснулись и, ожидая сменщиков, уже собрали свои пожитки и тоже принялись седлать ездовых лошадей.

Дэф ходил и громко рассуждал, пока ребята собирались в обратный путь – проверить ли в этот раз, как дела в Соломенном Овраге, или же ну его?

– И вот ей-ей, если я поймаю того, кто мне там пугает кроликов и портит ловушки, я того уж вместо кролика...

– Корки скормишь, что ли?

– Марте отдам, пусть обдирает!

– Дался тебе этот овраг... – проворчал Джейк. – И эти тощие кролики!

– Я не люблю, когда остается у меня за спиной что-то, чего я не понимаю, – ответил Дэф. Намного тише, чем вся его предыдущая бравада с перечислением возможных кар для кроличьего вора. Джейк не сразу сообразил, что это перечисление – попросту переделанная в меру дурацкая песенка, а когда сообразил, прыснул, не удержавшись. Зато сейчас снова посерьезнел, и, когда они уже ехали вместе с дождавшимися смены ковбоями домой, наконец задал вопрос, который занимал Джейка все утро:

– А кто такой этот Боб... и что у него с лицом?

– Боб? Да я, признаться, сам о нем знаю не так уж и много. Работает здесь первое лето. Пришел наниматься с такими же, как он – и вроде бы показал себя вполне нормальным работником. Ходит, сам видишь, завязав лицо платком – говорит всем, что угодил в скверную исто-

рию, попался в руки негодяев, и те, выпытывая, есть ли у Боба деньги, и наградили его всем этим. Сломанный нос, неровно сросшаяся челюсть и перекошенная скула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.